

Симфония целестремительной силы (тезисы о назначении искусства)

Медушевский Вячеслав Вячеславович

Московская государственная консерватория

им. П. И. Чайковского, Москва, Россия

E-mail: vmedu@mail.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0951-1838>

Аннотация. Тема целевой причинности, целестремительного всеединства бытия, является ключом к науке наук — Фундаментальной педагогике человечества, охватывающей все времена истории и все стороны жизни. Диалогическая сила, поднимающая, народы, цивилизации, дарующая смысл всему, творящая дивную свежесть бытия, зовется синергией. В ней — готовность к труду и подвигу, ибо дышит вдохновением, без которого тошно. Она действует во всех масштабах времени от крохотной исполнительской музыкальной цезуры до истории в целом. Само время преображено, ибо движется к творческому мигу настоящего из чаемого будущего. Миг настоящего становится сбыванием лучшего, а прошлое, то, что ему предшествовало, — тоже обновляется: открывается как шанс лучшего.

Ключевые слова: целестремительность, синергия, организация целестремительного времени, синергичное время

Для цитирования: Медушевский В. В. Симфония целестремительной силы (тезисы о назначении искусства) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2026. № 1 (80). С. 93–96. <http://doi.org/10.26086/NK.2026.80.1.014>

Original article

Symphony of Purposeful Force (Theses on the Purpose of Art)

Medushevsky Vyacheslav V.

Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Moscow, Russia

E-mail: vmedu@mail.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0951-1838>

Abstract. Purposeful causality, purposeful unity of being are the key to the science of sciences — the Fundamental pedagogy of mankind, covering all times of history and all aspects of life. The dialogic force that lifts people, peoples, civilizations gives meaning to everything, creates a wondrous freshness of being. This force is called synergy. It includes readiness for work and achievement, for it breathes with inspiration, without which one is sick. It operates on all scales of time from a tiny performing musical caesura to history as a whole. Time itself is transformed, for it is moving towards the creative moment of the present from the desired future. The present moment becomes the realization of the best, and the past, that preceded it, is also renewed: it opens up as a chance for the best.

Keywords: purposefulness, synergy, organization of purposeful time, synergy time

For citation: Medushevsky V. V. Symphony of Purposeful Force (Theses on the Purpose of Art). Aktualnye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya = Actual problems of high musical education. 2026; 1(80); 93–96 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2026.80.1.014>

Вопрос всеохватный, обнимающий все времена от сотворения мира доныне и далее: «К чему стремиться?» В нем смысл и цель, связанная с целью искусства

© Медушевский В. В., 2026

ства и художественного образования в современном мире. Ее мы определим в конце. Целестремительность пронизывает всякий миг — вплоть до мотива в музыке. Мотив, буквально, — движущий. Стремление — нерв бытия.

Наш первый тезис — о целестремительном всеединстве бытия. Без последней цели бытия — как без солнца. Жизнь меркнет, деморализованный человек тоскует, дух угнетен, деторождения прекращаются.

Выбор жизни или смерти — во всех масштабах времени человечества, цивилизаций, народов, в конкретных актах жизни, во всех тонкостях искусства.

В материи цели нет: она управляемая, служебная сторона бытия. Но есть в ней целесообразность — сообразность цели Творца. Стул не сам по себе, он для сидения. А для чего законы квантовой механики? Для того они, чтобы Вселенная не была часовым механизмом, а человек — шестеренкой.

Свободе нужна возможность выбора, которая предшествует самому выбору. Это состояние бытия, когда «да» и «нет» присутствуют вместе, физики назвали суперпозицией. Осуществленный выбор, прекратив квантовое состояние, переводит возможность в действительность. До взаимодействия элементарная частица не имеет свойств, обретая их в момент взаимодействия. У человека свой выбор, высший: он определяет себя по отношению к последней цели бытия. Это выбор между светом жизни и адской тьмою. Генерального выбора не избежать никому.

Изменяющий бытие выбор простирается в искусстве до малейшей исполнительской цезуры. Гениальная цезура — взрыв восторга, а мертвая — мертвит. Что живет или мертвит цезуру? — озвученный в ней генеральный выбор света или тьмы.

В риторике Цицерона выбор света — это *locus communis*, общие места. Они у гения ораторского искусства — не тоска банальностей. Для него *locus communis* — сияние истины в веках и народах. Среди примеров у Цицерона — мысль о пагубности стяжательства. Дух мамоны, корысть, душит души. Не корысть ли разъедает и современность? Изгоняется же мрак духовным светом. Он преображает бытие! Светоносная сила вознесла человека над животными, воздвигала цивилизации. У греков она вызвала взрыв деторождений, расселила их на просторах Европы, Африки, Азии. Свет шел от идеи пайдеи, всеохватного воспитания. Яркое ее проявление — клятва эфеба. Как иначе выйти на религиозное действо — Олимпийские игры? Победители вводились

Пиндаром в сонм небожителей. Вот эта клятва эфеба в сокращении: клянусь, что не оставлю отечество в прежнем состоянии, но сделаю его лучшим.

Что значит лучше? Это онтология. Сравнительной степени не могло бы быть в мироздании без дарованной нам шкалы выбора. Грамматика языков мира выделяет три степени: положительную, сравнительную и превосходную. Где превосходная степень от «хорошо» и «лучше»? И где она на оси времени: позади, впереди, посередине?

Наш второй тезис — об онтологическом преображении истории, которое пришло в бытие с началом Нашей эры (как называют у нас время после Рождества Христова). Не имеет значения: приняли ли Христа цивилизации Земли или нет, — история изменилась сущностно, глобально, всеохватно. Все стало иным.

По масштабу значимости этот перелом сопоставим с актом Творения мира. Проглядев его, мы не поймем смысла наших дней, задач образования и искусства.

Подобную невнимательность в Новейшее (апокалиптическое, великое) время допустил Ясперс в учении об осевом времени истории, которое простирается от 800 до 200 годов до Христа. Оно существует, но только оно вовсе не осевое. Оно — лишь предыкт к истинной переломной точке истории.

При всех новшествах мнимо-осевого времени оно оставалось Ветхим по существу. В эпоху Гераклита, Заратустры, Будды, Конфуция немислимы ни Бах, ни богослов Ньютон с его переворотом в физике, без которого никогда не появились бы ни самолеты, ни интернет, ни квантовая связь.

Ветхость Ветхого времени выявляется в отсутствии главного: последнего смысла. Гераклит мыслит бытие как огонь, временами разгорающийся, временами угасающий. Индуизм зомбирует триллионами лет, а пульсация состояний — сон Брахмы, которому снится материя. Задача человека — освободившись от иллюзий, возвратиться в исходный безликий абсолют. Зачем?

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» — это слова Екклезиаста.

И вдруг история взорвалась новизной неслыханной, вечной, понеслась вскачь, откровения следовали за откровениями. Что произошло?

Предыкт в истории осуществлялся, как и в музыке: через предвещения.

В предыктовый период истории Ветхий Завет переполнен пророчествами о Христе. Трудно даже представить степень точности, с какой пророки описали детали Его рождения, служения, смерти. Ожиданием Спасителя полнился языческий мир. Персидские маги помнили обетование о Семени Жены, прозвучавшее надеждой при изгнании прародите-

лей из рая. И они пришли встретить родившегося Младенца. А как это Вергилий попал на фрески Благовещенского собора Московского кремля? Попал он на фреску потому, что в четвертой эклоге в восторженном ожидании провещает о Божественном Младенце. На фресках древних храмов можно видеть и Сивилл, дев-пророчиц в языческом мире. И они подробно возвещали о Христе.

Что же решительнейшим образом изменилось в бытии с Рождеством Христовым? Вне зависимости от того, приняли цивилизации Христа или нет, история поменяла свой ход.

Христос не просто открыл человечеству последнюю цель и величайший смысл Творения мира, которым является Царствие Божие. Наступила на Земле новая эра благодати — силы для стяжания Царства. Потоки благодати, вечной творящей новизны бытия, не могли оросить Землю до Христа.

Потрясение! Открылся беспредельный смысл бытия. Он — не позади, не в золотом веке, не в потерянном рае. Он впереди. Царство Божие, словно магнит, перестроило время: оно стало центростремительным, что отразилось в мельчайших элементах бытия. Могла ли существовать до Христа гармония доминанты, гигантские предыкты на доминантовом органном пункте? Само понятие «развитие» было бы абсурдом. В XVIII веке не могло бы в психологии и музыке возникнуть понятия мотива «движущего». Вот оно — наглядное подтверждение возникшей мотивация бытия грядущим. Без перестройки времени, без целестремительного влечения бытия к Царствию не было бы ничего, что мы видим сейчас вокруг.

Но выбор не исчезает. Историю Христос представил в виде поля, на котором до жатвы произрастает пшеница Божия и плевелы дьявольские. Царствие Божие требует нового рождения в духе. От жатвы же не освободит ни конфуцианские ритуалы, ни бессмысленные растворения в нирване. Нирвана для улиток. А для человека — беспредельная цель обожения. Апостол Павел пишет: «забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе». Бог вочеловечился, чтобы мы обожились.

Теперь понятно, почему в эпоху Конфуция никак не могли бы взлететь самолеты? Они не цель, но тоже следствия радикального преобразования времени. Не было будущего, а теперь оно появилось — не имеющее пределов.

Как достигается оно, лучшее (по критерию приближения к восторгу Царствия)? Никогда не собственными усилиями. Новый способ называется **синергией. О ней — наш третий тезис.**

Это слово — от апостола Павла, назвавшего христиан синергами, то есть соработниками Божьими. Синергия — соработничество Бога и человека в осуществлении Царствия Божия. Оно не может быть

сотворено как изделие ввиду богозданной свободы души, которую Бог не попирает. Царство стяжается сотворчеством Божественной и человеческой воли. Вот откуда прибывает красота и радость!

Своим всемогуществом Бог поделился с нами, — дабы Царствие Божие могло стать и нашим. И слава Божия, воссияв в нас, стала и нашей славой.

Чтобы потоки благодати не подавляли богоподобную свободу, Бог предоставил нам инициативу. От нас жажда, от Бога упоение. Ищите — и обрящете. Просите — и дастся. Стучите — отворят. Приблизьтесь к Богу — и приблизится. Недоумевает ли кто о вожденной ясности — и она прольется в ум. Восхотел Рахманинов создать что-то несказанно прекрасное — и появилась в бытии Прелюдия *cis moll*. А вот Бальмонт с его изысканностью: «Мало криков. Нужно стройно гармонически рыдать. Надо действовать спокойно и красивый лик создать». Такие разные композиторы, как Н. А. Римский-Корсаков и П. И. Чайковский, согласно говорили о том же: сырые переживания — красоты не создают, сколько бы ни пыжиться. Творить нужно синергично — в уповании красоты и ее появления в мире, всегда полного свежести.

Насколько мы устремлены к Творцу — настолько устремляется в нас благодать. Она растет. Наша инициальная энергия возрастает «от силы в силу». Божественные подхватывания, озарения, вдохновения, ободрения возрастают по сказанному: «благодать возблагодать». Богообщение становится достоверностью, Дерзновение творческого подъема жизни — от близости. «Дерзай, дочерь!» — призывает Христос Свою Церковь. Тайны синергии в мельчайших деталях раскрыты в моих статьях на сайте «Музыка в заметках»

Последний наш тезис — о великом смысле искусства, искусствознания, образования.

Смысл возникает тогда, когда последняя цель бытия, вложенная в нас как наша суть и призвание, расцветает вдруг небывало прекрасным цветком. Расцветает — в человеке, народе, цивилизации — через синергию. Чудесно!

Небесная благодать, единая по существу, по образу действия бывает призывающей и совершающей. Это термины святых отцов. В искусстве действует призывающая благодать красоты. Красота же есть восторг славы Божией. Вспомним определение Баха: последняя цель музыки (соответственно суть и смысл ее) — служение славе Божией и освежение духа. Определение синергично. От нас — служение. От Бога — освежение духа, вдохновение, озарения, откровения. Бетховен определял: «музыка есть откровение более высокое, чем мудрость и философия». Бах остерегает: где нет служения славы и освежения духа — «перед нами не музыка, а шум и дьявольская болтовня».

Достигших вершин красоты — зовут гениями.

А что такое совершающая благодать? Ее вершина — святость и обожение в Царствии. Она тоже горит восторгом, но требуются еще дела жизни. Не сами по себе дела, но творящая любовь Божия, живущая в них.

Красота и любовь — сестры. Гении и святые — братья. Красота — язык любви. «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные», — говорит Христос Церкви Своей. Можно ли любить и не восхищаться? Любовь же есть дарение себя.

Мастера искусства зовутся гениями. Мастера в усовершенствующей нас любви почитаются как святые. Дела жизни сами по себе не усовершенствуют. Усовершенствуют тогда, когда в них светится восхищение красоты и горит любовь.

Назначение искусства — восторгом звать людей к Небу. Святой Варсонофий Оптинский говорил: музыка учит духовным восприятиям. Красота пролагает стези любви.

В этом цель, содержание и великий смысл всей нашей деятельности.

Подытожу сказанное. Целевая причинность — фундаментальный принцип тварного бытия. Будущее определяет настоящее. Последняя цель Творения мира — Царствие Божие. Оно — мера всех вещей, ключ ко всему, и ждет нас. Ради него — целесообразность в мире материи: расчет начальных условий и фундаментальных физических констант по критерию существования человека (принцип антропности). Ради него действительное отделено от возможного через выбор, прекращающий квантовое состояние неопределенности.

Симфония целестремительной силы — больше мироздания. Как иначе? Союз любви Бога и творения бесконечно превышает само творение. Мироздание — шанс лучшего, Царство — сбывание лучшего. Любовь и сила Божия, для которой все возможно при условии нашего деятельного согласия, претворяет тварное в нетварное. Разве любовь и красота Божия тварна? А если она в нас, то и мы становимся как нетварные.

Я говорю о симфонии целестремительной силы, потому что это слово, буквально «согласие», есть слово Новозаветное, синоним синергии. Симфония — ключевое слово царя Юстиниана, преобразившего римское право в христианском духе. Симфония у него есть принцип взаимодействия, синергии Церкви и Царства.

Историческая же «необходимость» — придумка, отнимающая у человека богозданную свободу. Царствие Божие — не необходимость, а выбор света истины, вечного сотворчества любви и красоты. Христос умер за нас, чтобы мы жили, синергично-благодатно восходя в бессмертную радость Царствия. И ад не необходимость, а выбор тьмы, вечного оди-

чания во лжи, злобе и безобразии. Первым озлился и не захотел света дьявол, по сотворению светоносный херувим Люцифер. За ним ринулись одичалые ангелы, ставшие бесами. И люди не избежат выбора. Так разрастается фундаментальная неоднородность истории, на которую указал Христос. Кем хотим видеть — пшеницей или плевелами? Ради благого выбора — откровения прекрасной музыки. Но кто-то выбирает, по слову Баха, шум и дьявольскую болтовню. По Иоанну Златоусту, пчелки летят на зов благоухающих цветов, мух влекут нечистоты.

Куда идет, куда заворачивает человечество? Идет к Царствию, заворачивает в ад. Христос открыл Серафиму Саровскому условие спасения человечества: оно спасется, если соединит светскую и церковную сферы жизни.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 01.04.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 01.04.2026.

Список источников

1. Медушевский В. В. Корпускулярно-волновой дуализм в педагогике // Художественное образование и наука. 2023. № 1 (34). С. 30–45.
2. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М.: Музыка, 1976. 253 с.
3. Медушевский В. В. Синергическая семиотика красоты в музыке // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 2. С. 7–21.
4. Медушевский В. В. Фантазия в культуре и музыке // Музыка. Культура. Человек. Вып. 2 / под ред. М. Л. Мугинштейна. Свердловск: Уральский университет, 1991. С. 44–56.

Информация об авторе

Медушевский В. В. — доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки, заслуженный деятель искусств РФ

References

1. Medushevsky, V. V. (2023), "Corpuscular-wave dualism in pedagogy", *Hudozhestvennoe obrazovanie i nauka* [Art education and science], vol. 1 (34), pp. 30–45.
2. Medushevsky, V. V. (1976), *O zakonomernostyax i sredstvax xudozhestvennogo vozdejstviya muzyki* [On the patterns and means of artistic influence of music], Music, Moscow, USSR.
3. Medushevsky, V. V. (2023), "Synergetic semiotics of beauty in music", *Problemy muzykalnoj nauki* [Music Scholarship], vol. 2, pp. 7–21.
4. Medushevsky, V. V. (1991), "Fantasy in culture and music", *Muzyka. Kul'tura. Chelovek* [Music. Culture. Human], vol. 2, Ural University, Sverdlovsk, USSR, pp. 44–56.

Information about the author

Medushevsky V. V. — Doctor of Art History, Professor of the Department of Music Theory, Honored Artist of the Russian Federation